

АРМЕЙСКАЯ СУБКУЛЬТУРА: ФОЛЬКЛОР, РИТУАЛ, ТРАДИЦИЯ

В. А. ЛИПАТОВ
(Екатеринбург)

«ДЕДОВЩИНА» ИЛИ ИНИЦИАЦИЯ?

Аннотация. Характеризуются основные типы современных солдатских самодельных сборников. Утверждается, что дедовщина защищает современный армейский коллектив от произвола новобранцев, желающих захватить в нем лидерство.

Ключевые слова: дедовщина, инициация, дембельский блокнот, солдатская записная книжка.

Рубеж прошедшего и нынешнего столетий ознаменовался необычайной активизацией солдатского фольклора. В 1980-е гг. это «афганские» песни, бытовавшие не только в устном исполнении, но и на электронных носителях, а в наше время и даже чуть раньше в недрах «коллективного бессознательно» сначала советской, а затем и российской армий формируются и новые жанры, и специфические — письменные формы их бытования: солдатские и матросские записные книжки, а также «дембельские» альбомы и блокноты.

В различных высших учебных и научных учреждениях страны появились коллекции солдатских письменных сборников¹. Есть такая коллекция и в

¹ Собранные материалы систематизируются, выходят научные публикации материалов и первые исследования современного фольклора солдат срочной службы. См., например: [Райкова 1995; Блажес 2000; Головин, Лурье, Кулешов 2007; Поэзия в казармах 2008]. К исследованию традиций армейской субкультуры обращаются также этнографы, социологи, философы, психологи и др. [Серебрянников 1998; Банников 2002; Заец 2002; Проноза 2005].

фольклорном архиве Института гуманитарных исследований Уральского федерального университета — результат многолетней полевой собирательской работы преподавателей и студентов. Так, более 140 оригинальных рукописей и ксерокопий, включающих около 11,5 тысяч текстов, стали фактической базой нашего исследования.

Объект исследования в данной статье — «институт стариков», старослужащих, тех, кто призван передавать свой опыт и знания молодому пополнению, — известен регулярной русской армии едва ли не с первых десятилетий ее истории. Об армейских «стариках» писал М. Ю. Лермонтов, «дедов» призывала в строй народная поэзия Первой мировой, да и герой замечательной «Книги про бойца» А. Т. Твардовского по всем признакам тоже «дед».

Однако последние два-три десятилетия почетное, хотя и неофициальное звание все чаще связывают с «дедовщиной» — варварским прессингом призванной в армию молодежи определенной частью старослужащих, граничащим, а иногда и прямо превращающимся в уголовное преступление. Впрочем, исследованием современных реальных, в том числе и экстремальных, взаимоотношений внутри групп военнослужащих пусть занимаются военные психологи, юристы, этнографы. Ведь такая сложная, многогранная и вместе с тем закрытая структура, как армия, не может быть полноценным объектом индивидуального исследования. К моей «зоне ответственности» отнесем лишь одну из граней этого объекта — то, что нашло отражение в самодельной солдатской поэзии, так сказать «окопной правде», как называли подобные источники исследователи военного фольклора. Сразу встает вопрос, насколько

объективна «правда», запечатленная на страницах солдатских записных книжек или «дембельских» блокнотов. Кстати, размежевать эти источники фольклорной информации бывает иногда весьма затруднительно, однако функции их и, как следствие, ряд признаков оформления заметно разнятся.

Записную книжку юноша, призванный в армию или на флот, заводит, прежде всего, для того, чтобы быстрее адаптироваться в новой армейской среде. Как правило, делают это те, кто либо служит в армии по желанию, либо из чувства необходимости исполнения гражданского долга [Серебрянников 1998, 213]. Первые охотно сливаются с армейской массой, вторые, скорее, мимикрируют, делают вид, что растворяются в солдатском коллективе, стараясь при этом по возможности сохранить индивидуальность:

*Здесь могут обозвать скотиной,
Отнять достоинство и честь,
А ты в душе пошлешь всех «на х..»,
Но, как всегда, ответишь: «Есть!»*
(Петух 2001, № 11)².

Обсценная лексика в этом произведении свидетельствует о том, что конформизм владельца записной книжки не прошел для него даром. Тем не менее «достоинство и честь» он всё еще старается сберечь.

Наряду с фольклорными текстами у тех или иных новобранцев в записных книжках встречаются выписки из уставов, технические схемы, планы политзанятий и другие текущие записи повседневной солдатской жизни.

Но есть в этих книжках одна характерная и трогательная черта: прямо или косвенно в них проступает боль от разорванных связей с родительским домом, тоска по утрате так рано закончившейся юности.

*Молодые гуляют ребята,
Вечерами целуют девчат,*

² Все рукописные материалы хранятся в фольклорном архиве Института гуманитарных исследований Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). В разделе «Архивные источники» даны более подробные сведения о них.

*А замерзшие руки солдата
Прижимают к груди автомат*
(Волобуев 1991, № 39; Мучинов 2001, № 79, 141; Юпланков 2006, № 24 и др.).

Это отражено даже в календариках, фабричных или самодельных, где год начинается не с первого января, а со дня призыва и, соответственно, заканчивается с демобилизацией. В перечне памятных дат к государственным праздникам приписаны дни рождения не только родителей и любимой девушки, но и достаточно дальних родственников, а среди текстов немало самодельных стихотворных поздравлений.

Есть еще две категории призывников, которых в той или иной мере характеризуют солдатские записные книжки, — это те, кто пошел служить из страха наказания, а также не то убежденные пацифисты, не то уклонисты. «Служащие из страха» в исполнении обязанностей мало чем отличаются от тех, кто служит «из чувства долга». Но вот записных книжек они либо не заводят совсем, либо помимо текущих служебных записей наполняют их индивидуально отобранными афоризмами и поэтическими текстами, как правило, не имеющими отношения к фольклору. Что касается уклонистов, то, если их не защитит «телефонное право» или взятка, помимо наказания их ждет еще и презрение тех, кто служит [Заец 2002]:

*Не смей считать себя мужчиной,
Пока в строю не побывал
И ОЗК с противоголом
На марш-бросок не одевал*
(Политов 1998, № 42; Михайлов, № 142, 225 и др.).

Записные книжки солдат и матросов редко попадают в коллекции фольклористов. Выполнив свою утилитарную и социальную функции, они, прежде чем быть уничтоженными за ненужность, оказываются на столе ротных каллиграфов и рисовальщиков — местных мастеров по изготовлению «дембельских» блокнотов.

Функция «дембельского» блокнота при возможном внешнем сходстве с солдатской записной книжкой совер-

шенно иная — *репрезентативная*. Этот документ, наследник «дембельского» альбома 1970—1980-х гг., должен показать, что после двух лет службы домой вернулся настоящий солдат и настоящий мужчина. Кроме того, наличие у него «дембельского» блокнота показывает посвященным, что армия выполнила свою двуединую задачу: подготовила военного специалиста и сделала недавнего юношу таким, как все военнослужащие, — клеточкой огромного организма, по названию «армейский коллектив», готового в любую минуту пожертвовать собой ради выполнения приказа и спасения жизни товарищей. Вот поэтому теме инициации уделяется в этих артефактах военной субкультуры так много внимания.

Дембельский блокнот — своего рода компромисс между владельцем и коллективным бессознательным солдатской массы. С одной стороны, он несет на себе печать индивидуальности владельца: как правило, на титульной странице его имя, да и тексты для блокнота владелец подбирал сам, совершая тем самым пусть довольно примитивный, но всё же творческий акт. Однако, с другой стороны...

*В этом блокноте стихи не мои,
В этом блокноте стихи всей братвы,
В этом блокноте мысли, мечты
Солдат и сержантов нашей страны*
(Широковских 2003, № 4, 107; Неизв. 2004, № 6).

*Ну что, читай, моя подруга,
Здесь все узнаешь про меня.
Хоть я и переписывал у друга,
Но жизнь его, как у меня*
(Барышников 2006, № 3; Широковских 2003, № 108).

Однако, с другой стороны, владелец поступил, как все, да и тексты для индивидуального выбора он заимствовал из репертуара «коллективного бессознательного». Поэтому стоит ли буквально верить всему тому, что солдаты в своих далеко не совершенных стихах рассказывают о себе?

*Открой блокнот, мой друг или подруга,
И пробеги глазами по строкам:
Они написаны в часы досуга
В тоске по дому и родным местам.*

*Они написаны рукой солдата,
Чтоб через много-много лет
О службе, пройденной когда-то,
Оставить хоть какой-то след.
Но если ты, мужского пола,
Подобных мук не испытал,
Закрой его и положи на место:
Не для тебя его я здесь писал...*
(Широковских 2003, № 3; Чечулин 2007, № 312; Чудалев 2003, № 64).

Итак, перед нами три категории возможных читателей этого «представительского» документа: друг, безусловно, служивший в вооруженных силах, подруга, разумеется, там не служившая³, и «презренный» уклонист, который без лишних слов отсекается. Что же касается двух других, то друг сможет «по умолчанию» разобраться, что к чему, где в блокноте правда, а где некоторое преувеличение, а девушка... Фактически здесь, в репрезентативном сборнике, воспроизводится ситуация, известная, например, в традиционном свадебном обряде, когда дружка, приехав со свадебным поездом в дом невесты с соседней улицы, в крайнем случае из близлежащей деревни, описывает в своем монологе необычайные трудности, которые поезжане испытали по дороге сюда. Не отрицая сегодняшних «небоевых потерь» и «неуставных», я тем не менее не могу найти ответа на вопрос: почему у нас в стране есть Комитет солдатских матерей, но нет «Комитета солдатских отцов» или хотя бы «солдатских родителей»? Может быть, дело в повзрослевших, но по-прежнему доверчивых девушках? Поэтому предлагаю познакомиться с историей вопроса.

Как человек, отслуживший в положенное время свой срок, а затем внимательно наблюдавший за процессами, происходящими в нашей армии, заявляю, что до 1960-х гг. «дедовщины» в российской армии как массового явления не было, хотя база для нее, как уже говорилось выше, существует давно. Институту «стариков», опытных старослужащих, командование традиционно поручало обучение новобранцев: подготовил себе смену — можешь демобили-

³ О неосознанной ориентации составителя солдатского блокнота на девичье восприятие см. [Райкова 1995, 74, 77—78].

зоваться. И до определенного времени «старики» справлялись с этим заданием без мордобоя. Разумеется, большую роль в воспитании солдат и матросов в годы моей службы играли офицеры — либо постаревшие фронтовики, либо непосредственные воспитанники фронтовиков. Солдат и матросов срочной службы, родившихся в годы войны, было мало, поэтому командиры по-своему нас берегли, а основным методическим приемом у офицеров и сверхсрочников была команда «*делай, как я*». Фольклор наш был беден, зато служба проходила по пословице — «*через день на ремень*».

«Дедовщина» как социально-психологическая проблема стала формироваться примерно с 1970-х гг., после того как, с одной стороны, завершилась смена поколений в командирском корпусе, а с другой, произошли изменения в контингенте призывников. На смену фронтовикам пришла новая формация профессиональных военных. Среди них было немало тех, кто службу в армии рассматривал не как служение, а как работу «от и до», воспитанием молодых солдат заниматься не умел или не хотел, перекладывая этот нелегкий труд на сверхсрочников. Те в свою очередь передоверяли это сержантскому составу, то есть молодым людям, всего лишь на полгода-год старше своих воспитанников. Младшие командиры, не имея ни опыта воспитательной работы, ни харизмы, вынуждены были прибегать к помощи старослужащих, «дедов», предоставляя последним некоторые послабления по службе.

В это же время недостаток призывников из-за низкой рождаемости в годы войны сменился их явным переизбытком. Новый Закон о всеобщей воинской обязанности 1967 г., дававший значительной группе юношей, годных к военной службе по призыву, отсрочки или освобождение, не решил кардинально вопроса об избыточности нашей армии.

*Мы не сеем и не пашем,
Мы валяем дурака:
На плацу ногами машем
По приказу мудака*

(Волобуев 1999, № 276).

Казарменное безделье стало благодатной почвой не только для расцвета солдатского фольклора, но и для создания варварских переходных ритуалов, нередко оскорбляющих человеческое достоинство. «Институт стариков» стала разедать язва «неуставщины» — негативного отношения к основным законам воинской службы, а, следовательно, и неисполнения старослужащими обязанностей по передаче богатого положительного опыта русской армии новому пополнению, что нашло отражение и в поэзии:

*Будешь по уставу жить — надорвешься
ты служить.*

*Будем жить не по уставу — завоюем
честь и славу*

(Сидоров 2004, № 198; Городчиков 2001, № 476; Бардаков 2003, № 609 и др.).

Существенно изменился контингент призывников: на смену поколению, воспитанному в условиях тоталитаризма, пришли молодые люди нередко с завышенной самооценкой — результат исторически объективного процесса индивидуации. Кроме того, наиболее подготовленные юноши стали студентами вузов, следовательно, коллективный интеллект армии снизился.

Приказ министра обороны:

*«Собрать с гражданки всех “блатных”,
Всех дураков и всех “ответных”,
И всех, кто фирменно одеты,
Собрать в единую толпу,
Да не во сне, а наяву,
Собрать и бросить прямо в ад,
Где каждый будет там солдат»*
(Неизв. 2003, № 512; Бараев 2005, № 2).

Однако в вооруженных силах по-прежнему считали, что превратить толпу призывников в «высоко организованную искусственную массу», как называл армию З. Фрейд [Фрейд, 1991, 92], можно, лишь растворив личность в коллективном бессознательном, заставив ее почувствовать себя частицей единого мощного организма, волю которого каждый должен беспрекословно выполнять вплоть до самопожертвования.

В русской дореволюционной армии рядовой состав набирался преимуще-

ственно из крестьян, которые воспитывались в традициях общинного коллективизма. Поэтому процесс адаптации к армейским условиям проходил относительно безболезненно. Эпоха советского тоталитаризма тогдашними образовательными и общественными организациями с их диктатом «демократического централизма» тоже психологически готовила молодого человека к службе в вооруженных силах. Однако наступающая эра либерализма внесла свои коррективы:

Мне казарма мать родная?

Старшина отец родной!?

На хрена родня такая,

Лучше буду сиротой

(Дьяконов 2003, № 16; Волобуев 1999, № 39; Мучинов 2001, № 144 и др.).

Поскольку качественно новых методов воспитания личного состава предложено не было, растущее год от года противоречие между личностью и армейским коллективом неумелые воспитатели старались ликвидировать не только кулаком или сапогом, но также словом, в том числе и поэтическим. В результате рядом с официальной сформировалась самая настоящая неуставная система со своей идеологией, ритуалами, обязанностями, правами, жаргоном и, разумеется, фольклором.

«Дух» и «слон», «черпак» и «дед»

Собрались как-то на совет,

Чтобы разом разрешить,

Кому и как с другими жить.

«Дух» есть «дух» — ему работа,

А «слону» блюсти забота,

«Черпаку» на них орать,

Ну а «деду» наблюдать...

(Неизв., № 423; Михайлов, № 20; Стерлягов 1993, № 49).

В этой системе есть своя жесткая иерархия, свой неофициальный «устав» и даже своя «присяга»:

Я, «салага», «бритый гусь»,

Я торжественно клянусь:

Масло, мясо не съедать,

«Старикам» всё отдавать,

Сигареты им носить

И посуду чисто мыть,

Зад «шакалам» не лизать,

Целый день летать, летать,

*По команде «Ой, один»
Появляться, словно джинн,
Никогда не тормозить,
На два года дом забыть*

(Чечулин 2007, № 443; Беляйкин 2003, № 2; Чудалев 2003, № 19).

Солдатский фольклор, с одной стороны, отражая процессы, происходящие в армии, а с другой, предлагая стереотипы поведения, помогал быстрее адаптироваться к требованиям службы как по уставу, так и неуставным. Выработанные в обстановке казарменного безделья и официальной бесконтрольности ритуалы формировали парадигму ложного «кадрового роста» вне зависимости от должности и воинского звания, но зато со своими привилегиями:

Полгода мы летаем,

Полгода мы живем,

Полгода мы гоняем,

Полгода «дембель» ждем

(Аргаузов, № 290; Барышников 2006, № 53; Зворыгин 2004 и др.).

Если ты без сна опух,

Значит, ты всего лишь «дух»;

Если спишь ты кое-как,

Значит, ты уже «черпак»,

Если ты проспал обед,

Спору нет уже — ты «дед»

(Городчиков 2001, № 394; Барышников 2006, № 52; Зворыгин 2004 и др.).

«Дух», «слон», «черпак», «дед» — все эти прозвища, безусловно, знаковые. «Дух» — значит, пока еще чужой в армейском коллективе, «дом», «гражданка» с их индивидуализмом из этих новобранцев еще не выветрились. Не случайно в некоторых частях солдат, еще не принявших присягу, называют «запаху».

Переход на новый уровень через полгода обозначается поркой солдатским ремнем. Пояс — символ привязанности к новому коллективу. Например, в свадебном обряде вытканый невестой пояс — традиционный подарок родне жениха. Но солдатский ремень — не просто пояс. На Руси ремненные пояса являлись знаком мужского и воинского отличия, женщины их не носили. «От- 153

решить пояса» означало «опозорить». Поэтому у сидельцев на гауптвахте отбирали кожаные ремни, а осужденные на службу в дисциплинарном батальоне вместо кожаного ремня получали брезентовый. В современной солдатской традиции военнослужащие первого года службы должны носить пояс не из кожи, а из кожзаменителя.

Следующий переход — еще через полгода. За прошедший с момента призыва год солдат «понял службу»: он освоил воинскую профессию, кроме того, усвоил, какие и чьи приказания действительно следует выполнять, а что можно пропустить мимо ушей. Зачерпнул он сполна и солдатской мудрости, выраженной в различных фольклорных текстах. Посвящаемого на этот раз бьют по ягодицам уже камбузным черпаком, и имя ему в следующие полгода будет «черпак».

Последняя ступень неуставной иерархии — «дед». *«Он всегда прав»*, как записано в «неуставном уставе». Предполагается, что на этом этапе армия выполнила свою воспитательную функцию: личность «умерла», растворилась в воинском коллективе. Переходный обряд из «черпаков» в «деды» состоит в том, что старослужащего что есть мочи хлещут по заду... ниткой. «Умерла» личность, значит, перестало чувствовать и тело.

Зато родился полноценный солдат. Об этом красноречиво свидетельствует, например, «дембельский» альбом, где фотографии владельца как бы затерялись, «растворились» среди десятков фотографий сослуживцев. Родился, как утверждают многочисленные фольклорные афоризмы, и мужчина:

Запомни истину одну (по ней слагаются былины):

Уходят в армию юнцы, а возвращаются мужчины

(Дьяконов 2003, № 19; Чепчугов 2001, № 282; Ветлугин 2004, № 321 и др.).

Словом, армия не только воспитала солдата в духе традиционного коллективизма, подготовила классного военного специалиста — она еще и осуществила переход молодого человека в следующую половозрастную группу.

*Кто был студентом, видел юность,
Кто был солдатом, знает жизнь*
(Дьяконов 2003, № 15; Сидоров 1994, № 116; Мучинов 2001 и др.).

Иначе говоря, за время срочной службы юноша как бы прошел ритуал инициации⁴.

Для чего мужчина нужен армии — понятно: без молодых мужчин армия просто не может существовать. Но для чего армия нужна молодому человеку? Да, «есть такая профессия — Родину защищать», как совершенно справедливо говорит герой культового фильма «Офицеры». «Профессия», но не «срок, похожий на заключение». При уровне современной военной техники за два года, а тем более за год этой техникой в совершенстве не овладеешь. Следовательно, военные профессии, которые мы там получаем, большинству на «гражданке» не пригодятся, а учитывать личные склонности призывников в нашей армии не привыкли.

Причастность к коллективному бессознательному, которая формируется в том числе и «дедовщиной»? Как говорится...

Сегодня «дух», а завтра «дед»,

А послезавтра человек...

(Шавшуков 2006, № 56; Михайлов, № 77).

Так вот, для современного человека коллективное бессознательное тоже оказывается неактуальным. Ведь общество идет по пути индивидуации, а потому армейское братство рано или поздно забывается. Наконец, вырванный из контекста гражданской жизни военнослужащий в лучшем случае оказывается на той исходной точке своей биографии, от которой шагнул за ворота КПП, отстав от тех, кто избежал службы, на долгих и невосполнимых два года.

⁴ Ср. взгляд психолога на инициацию в современных молодежных сообществах, в том числе в армии: Громов Д. В. Роль юношеских инициационных посвящений в традиционном и современном обществе // Сайт «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика». URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Gromov.htm>

*Живи и радуйся, солдат, назад дороги
нет:
Тебе не будет никогда вновь
восемнадцать лет*
(Волобуев 1999, № 4; Михайлов, № 161;
Чудалев 2003, № 104).

Что получил юноша взамен? Звание мужчины? Но завести семью на то, что есть у демобилизованного военнослужащего, невозможно. Девушка, если она дождалась молодого человека, либо остается ни с чем, либо вскоре разведется, не выдержав житейской неустроенности.

*Эх, армия, чужая сторона.
Два года глухо, словно в танке,
Но всё равно нам армия нужна,
Чтобы понять все прелести*

«гражданки»
(Ветлугин 2004, № 236; Политов 1998,
№ 65; Чечулин 2007, № 275).

Отсюда следует, что молодые люди бегут не от службы — им необходима программа поддержки демобилизованных военнослужащих. Без нее служба как инициация оказывается фикцией.

А вот «дедовщина» — это реальность и, как свидетельствуют сами военнослужащие, в условиях современной армии — неизбежность. Варварская по сути своей структура при ослабленной работе по укреплению уставной воинской дисциплины стала заслоном для настоящей дикости, когда каждый новый призыв, особенно набранный в регионах, где сильна национальная и клановая сплоченность, старался бы захватить лидерство в подразделении, игнорируя уставные и неуставные правила и традиции. Так что...

*«Дедовщина» — это рай,
Только зубы собирай*
(Шавшуков 2006, № 15; Чечулин 2007,
№ 169; Михайлов, № 58).

Литература

Банников 2002 — Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М., 2002.

Блажес 2000 — Блажес В. В. Солдатский юмор // Традиционная культура. 2000. № 1. С. 53—61.

Головин, Лурье, Кулешов 2007 — Головин В. В., Лурье М. Л., Кулешов Е. В. Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М., 2007. С. 186—230.

Заец 2002 — Заец А. Р. Человек на войне: философский аспект // ВоенКом: Военно-исторический альманах. Екатеринбург, 2002. № 1 (3). С. 114—153.

Поэзия в казармах 2008 — Поэзия в казармах: Русский солдатский фольклор (из собрания «Боян» Андрея Бройдо, Джаны Кутьиной и Якова Бройдо / сост. и ред. М. Л. Лурье. М., 2008.

Проноза 2005 — Проноза А. В. «Дідівщина» як соціально-культурне явище: механізми та форми відтворення. Дисс. ... канд. соц. наук. Київ, 2005.

Райкова 1995 — Райкова И. Н. Фольклор современных солдат: идейно-художественное своеобразие и отношение к детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура. Сб. науч. тр. и мат. / сост. С. Г. Айвазян. М., 1995. С. 73—101.

Серебрянников 1998 — Серебрянников В. В. Социология войны. М., 1998.

Фрейд 1991 — Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд Зигмунд. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 71—138.

Архивные источники

Аргаузов — Аргаузов Алексей, Краснознаменный Черноморский флот, подводник, годы службы неизв. Ед. хр. 1. Оп. 4.

Бараев 2005 — Бараев Дмитрий, г. Хабаровск, автомобильные войска, 2003—2005. Ед. хр. 11. Оп. 2.

Бардаков 2003 — Бардаков Евгений, Оренбургская обл., связист, 2001—2003. Ед. хр. 6. Оп. 1.

Барышников 2006 — Барышников Евгений, Ставропольский край, железнодорожные войска, 2004—2006. Ед. хр. 8. Оп. 3.

Беляйкин 2003 — Беляйкин Андрей, Ставропольский край, химические войска, 2001—2003. Ед. хр. 18. Оп. 2.

Ветлугин 2004 — Ветлугин Антон, Президентский полк (Москва, Кремль), 2002—2004. Ед. хр. 10. Оп. 1.

Волобуев 1999 — Волобуев Алексей, Забайкальский военный округ, Хинганская бригада связи, 1997—1999. Ед. хр. 2. Оп. 1.

Городчиков 2001 — Городчиков Игорь, Хабаровский и Приморский края, пограничник, 1999—2001. Ед. хр. 3. Оп. 5.

Дьяконов 2003 — Дьяконов Артем, Чеченская республика, 2001—2003. Ед. хр. 1. Оп. 1.

Зворыгин 2004 — Зворыгин Иван, Краснодарский край, пограничник, 2002—2004. Ед. хр. 8. Оп. 4.

Михайлов — Михайлов Андрей, Челябинская обл., прапорщик. Ед. хр. 16. Оп. 2.

Мучинов 2001 — Мучинов Ришат, Приморский ПО, пограничник, 1999—2001. Ед. хр. 3. Оп. 2.

Неизв. — Неизвестный составитель, Дальневосточный ПО, годы службы неизв. Ед. хр. 3. Оп. 4.

Неизв. 2003 — Неизвестный составитель, военизированная охрана военных объектов, г. Екатеринбург, 2001—2003. Ед. хр. 4. Оп. 2.

Неизв. 2004 — неизвестный составитель, Центр военно-технических проблем биологической защиты Минобороны РФ, 2002—2004. Ед. хр. 18. Оп. 9.

Петух 2001 — Петух Олег, Сыктывкар, Астрахань, Чечня, внутренние войска, сапер, 1999—2001. Ед. хр. 23. Оп. 2.

Политов 1998 — Политов Олег, Волгоградская обл., 1996—1998. Ед. хр. 12. Оп. 3.

Сидоров 1994 — Сидоров Алексей, Краснознаменный Черноморский флот, подводник, 1992—1994. Ед. хр. 1. Оп. 3.

Стерлягов 1993 — Стерлягов Сергей, Военно-морской флот, 1991—1993. Ед. хр. 21. Оп. 7.

Чепчугов 2001 — Чепчугов Михаил, Краснознаменный Северный флот, подводник, 1999—2001. Ед. хр. 3. Оп. 3.

Чечулин 2007 — Чечулин Алексей, Дальневосточный военный округ, морская пехота, 2005—2007. Ед. хр. 16. Оп. 1.

Чудалев 2003 — Чудалев Сергей, Воронежская обл., разведка, 2001—2003. Ед. хр. 18. Оп. 3.

Шавшуков 2006 — Шавшуков Сергей, Плисецкий космодром (г. Мирный), инженерно-строительные войска, 2004—2006. Ед. хр. 11. Оп. 1.

Широковских 2003 — Широковских Михаил, Московская обл., 2001—2003. Ед. хр. 14. Оп. 1.

Юпланков 2006 — Юпланков Евгений, Республика Ингушетия, пограничник, 2002—2006. Ед. хр. 9. Оп. 2.

Summary. *Fundamental types of modern soldier's amateur digests are characterized. It is asserted that hazing protects modern army community from recruits who are intended to take the lead.*

Key words: *Hazing, rite of passage, demobee notebook, soldier's pocketbook.*

А. В. ПРОНОЗА
(Керчь)

ПОНЯТИЕ-СИМВОЛ «ДЕМБЕЛЬ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЛДАТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Аннотация. *В статье осуществлен анализ понятия-символа «дембель», являющегося одним из ключевых в субкультуре военно-служащих срочной службы. Даются многочисленные примеры его использования как в военной, так и в гражданской среде.*

Ключевые слова: *Вооруженные силы, субкультура, «дембель», «дембельский» блокнот.*

*Я сошел с ума —
Мне нужна она...
Дева, муза, грация —
Демобилизация*

(Из солдатского блокнота)

Каждая субкультура порождает знаковые, специфические понятия-символы, вокруг которых сосредотачивается вся система неформальных норм, правил и эталонов поведения, существующих в данной культурной среде. Этих понятий-символов может быть несколько, они могут быть неравноценны, но в своей совокупности они складываются в довольно стройную и взаимосвязанную систему.

Являясь обязательным атрибутом любой субкультуры, такие понятия-символы способствуют выстраиванию внутри нее своеобразных взаимоотношений, без которых ее существование было бы просто невозможным. Такими понятиями-символами могут стать определенные предметы, действия, этические и эстетические нормы, характерные ритуалы. Например, для хиппи 1960-х гг. ими были рваные джинсы и длинные волосы, для современной молодежной наркокультуры (приходится, к сожалению, признать ее существование) это шприц и головка опиумного мака, для рокеров — байк и кожаная куртка и т. д. Вокруг них постепенно вырастает специфический жаргон (сленг), а сами они приобретают ореол